

ключевой для Белого движения». Пученков усматривает в действиях интервентов «колонизаторские тенденции», и именно этим, по его мнению, «во многом объясняются конфликты, возникавшие между Деникиным и французами». «С другой стороны, – признаёт он, – русские общественные круги во время “одесского сидения” проявили все свои худшие качества, скорее навредив белому командованию и не вызвав никаких симпатий у французов. Все эти разногласия ускорили оставление французами Одессы и в конечном счёте сыграли на руку большевикам» (с. 233).

В заключении автор делает справедливый вывод: «Жизнь Украины и Крыма в 1918 – начале 1919 года проходила по-разному. Крым, объективно говоря, ещё не попал в полной мере под воздействие революции, на полуострове всё-таки было спокойней, чем в России или на Украине. Вместе с тем Крыму ещё предстояло выйти на авансцену российской Гражданской войны, пережив в драматическом 1920 году в полной мере и отчаянную попытку Врангеля создать уникальный “Остров Крым”, и все ужасы красного террора» (с. 235).

Несмотря на ироничное, со времён М.А. Булгакова, отношение к Скоропадскому, Пученков считает, что тот «продемонстрировал изрядное политическое искусство, оказав сторонникам вооружённой борьбы с большевиками моральную поддержку». Он напоминает, что «именно на территории Украины укрывались общественные деятели, буржуазия и, наконец, с Украины на Дон в течение всего гетманата шёл неиссякаемый поток офицерства». Таким образом, «Украинская держава стала своеобразной “подушкой безопасности”, позволившей, с одной стороны, обезопасить Добровольческую армию от фронтального соприкосновения с главными силами большевиков, а с другой – выиграть драгоценное время для создания более крупных и боеспособных антисоветских сил» (с. 236). Как представляется Пученкову, «Сулькевич несомненно, был менее крупной политической фигурой, чем Скоропадский», являясь «именно “техническим” главой своего государства, не претендовавшим даже на видимость своей диктатуры» (там же). Впрочем, следуя за оценками современников, автор явно недооценивает действия Сулькевича, направленные на обеспечение собственно крымских, как он их понимал, интересов, в том числе и в отношениях с гетманом. При этом, несмотря на пренебрежительное обращение с ними Деникина, «и Сулькевич, и, в особенности, Скоропадский, относились к Добровольческой армии не то чтобы не враждебно, но даже благожелательно» (с. 236–237).

В конце своей монографии А.С. Пученков поместил 6 объёмных приложений, решив познакомить читателей с отрывками из хранящихся в ГА РФ, ЦГАВОУ и Архиве Гуверовского института Стэнфордского университета (США) мемуаров В.М. Левитского, генерала Б.С. Стеллецкого, Р.Ю. Будберга, П. Залесского, П.С. Бобровского и Д.Ф. Гейдена. Несомненно, эта публикация делает книгу ещё более актуальной и значимой.

Владимир Булдаков: Прошлое не уходит

Очередной книгой о «Белом деле» ныне никого не удивишь: поток соответствующей литературы, хлынувший в 1990-х годах, не иссякает. И чего только о противниках большевиков не сочиняли! Некоторые «историки КПСС», перестроившись за одну ночь, поспешили объявить белогвардейцев сущими ангелами во плоти, а авторы побойчее, прочитавшие пару десятков «спецхрановских» мемуаров, настроили на сей предмет «историографические» исследования

(ничуть не смущаясь тем, что писать, по существу, было не о чем). Попросту говоря, на костях противников большевиков паразитировали, успешно защищая диссертации на «актуальную» тему со всеми вытекающими отсюда карьерными последствиями.

Поток апологетических и агиографических сочинений стал столь плотным, что, казалось, резервы политической истории применительно к данной проблематике исчерпаны. Целая генерация «исследователей» доверчиво проехала по поверхности исторических событий вслед за эмоциональными и столь же «забывчивыми» мемуаристами. Как это сказалось на общей картине Гражданской войны? В целом, вся её событийная канва была вывернута наизнанку: всё завертелось вокруг Белого дела. При этом создалось впечатление, что белогвардейцы сражаются с какой-то поистине inferнальной силой. И тем не менее они упорно воссоздавали государственность, решали внутренние проблемы, включая аграрный вопрос и взаимоотношения с нерусскими этносами. В общем, их опыт имплицитно признавался достойным подражания, предлагалась убедительная альтернатива «Совдепии». Понятно, что в таком, с позволения сказать, дискурсе новой генерации специалистов по истории Гражданской войны сложиться не могло, хотя, говорят, и существует какая-то «ассоциация». Более того, настоящие знатоки Белого движения сегодня наперечёт.

На фоне нынешней историографии Гражданской войны монография Пученкова выглядит поистине блистательно. Казалось, после прекрасной книги С.В. Карпенко³ вряд ли можно сказать что-либо принципиально новое о событиях тех лет на Юге России. Тем не менее Пученкову, изучившему периферию антибольшевистских сил, это удалось. 1918 год, за пределы которого автор формально не выходит, был самым хаотичным временем всего российского XX в. В море революционной смуты Украина и Крым выглядели тогда островками относительного порядка и достатка. Но могли ли они выжить сами по себе или объединившись для создания прочной государственности? Сегодня этот вопрос «неожиданно» актуализировался.

Изложение событий 1918 г. на Украине и в Крыму можно было бы предварить эпиграфом: «Спасайся, кто как может!» И это касается всех тогдашних антибольшевистских, в том числе и полусоциалистических государственных образований. Делая вид, что «спасают Россию», противники большевизма по сути сами пытались спастись от страшной силы, прорвавшейся *изнутри* империи под давлением мировой войны. И страх перед явлением, не вмещавшимся в их политическое сознание, породил невероятные домыслы о его генетике. Стоило бы задуматься, почему в наше время самодеятельная конспирология далёких лет вновь отравляет наше историческое сознание и парализует политическое воображение. Мы боимся собственной истории. Она слишком велика для нашего зауженного мировосприятия.

Своеобразной подсказкой к пониманию психологии людей, не принимающих большевизма, по-прежнему остаётся «Белая гвардия» М.А. Булгакова. Писатель руководствовался простым принципом: ничего не придумывая, беспристрастно воспроизвести врезавшиеся в память детали, расставив их в логичный событийный ряд. Ему удалось создать не только адекватную картину антибольшевистского тыла, но и своего рода «метаисторический» образ российской смуты, прописанный судьбами заплутавших в хаосе «невероятных»

³ См.: Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009.

событий людей. Кстати, все исследователи, включая Пученкова (с. 75, 77, 236), признают точность воспроизведённых писателем деталей. Кажется, если бы нынешние историки руководствовались булгаковскими «источниковедческими» принципами, та страшная война могла бы стать хорошим и грозным предостережением для нынешних легкомысленных политиков.

Очерки Пученкова, должно быть, не случайно избравшего этот жанр, начинаются с бесславного провала социалистической Центральной рады и утверждения в Киеве «марионеточной», как считалось, власти гетмана П.П. Скоропадского. Стоит напомнить, что современная украинская историография испытывает немалые трудности при характеристике этого режима, не вписывающегося в концепцию особой (независимой от российской) *украинской* революции. Считается, что гетман олицетворял собой антидемократичную контрреволюцию, однако со временем начал ощущать себя украинцем⁴. Подобное в истории случалось, но из книги Пученкова видно, что ситуация была более сложной. Нельзя не учитывать, что в обстановке властной неопределённости (особенно болезненной для имперско-патерналистского сознания) избрание гетмана произвело «успокаивающее воздействие не только на крупных и мелких землевладельцев, фабрикантов, промышленников, но и на широкие слои интеллигенции, успевшие уже несколько отрезветь от первого угара социализма»⁵. Признали гетмана даже самостийники из Союза вызволения Украины. Так, вернувшийся в марте 1918 г. в Киев их идеолог Д.И. Донцов провозгласил Скоропадского «украинским Наполеоном»⁶. Гетман не просто успешно лавировал⁷. Его фигура стала равнодействующей весьма разнородных сил, пытавшихся найти выход из положения. Не случайно, один из лидеров киевских кадетов Д.Н. Григорович-Барский заявлял, что теперь не время заботиться о «партийной чистоте», а потому партия направляет свои силы на «спасение и возрождение страны с отказом от узкопартийной политики»⁸. Конечно, на деле отказаться от политического доктринерства было не так просто, однако в правительство гетмана наряду с украинофилами вошли видные кадеты Н.П. Василенко, А.К. Ржепецкий, С.М. Гутник. Вместе с тем Министерство юстиции возглавил петербургский профессор М.П. Чубинский, сын автора украинского национального гимна и российский либерал по своим политическим симпатиям (впрочем, по некоторым свидетельствам в действительности руководил этим ведомством М.М. Воронович, друг В.М. Пуришкевича)⁹.

Компания была на редкость разнородной. Украинской «мовой» владели лишь четыре министра, на правительственных заседаниях говорили только по-русски. Тем не менее 8 сентября «щирый» украинец С.П. Шелухин подал председателю Совета министров А.Ф. Лизогубу записку «Державный язык на Украине», где высказался за признание украинского единственным государственным языком. Понятно, что такие начинания встретили противодействие. Так, влиятельный Протофис (объединение предпринимателей и финансистов) разослал

⁴ Солдатенко В.Ф. Феномен Украинской революции // Российская история. 2009. № 1. С. 37, 40.

⁵ ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 524, л. 65.

⁶ Горелов М.С. Передвістники незалежної України. Київ, 1996. С. 67.

⁷ Пиріг Р. Гетьманат Павла Скоропадського: Російський чинник // Україна в революційних процесах перших десятиліть ХХ століття. Київ, 2007. С. 363–364.

⁸ См.: Киевская мысль. 1918. 3, 5 мая; Свобода России. 1918. 10 мая.

⁹ Михайлов И.В. Малоизвестные страницы деятельности правительства гетмана П.П. Скоропадского // Гражданская война в России: События, мнения, оценки. М., 2002. С. 460, 463.

записку, в которой доказывалось, что ведение делопроизводства на украинском создаст крайние трудности, поскольку ни общепринятого канцелярского, ни, тем более, юридического украинского языка пока нет¹⁰.

Всё это выглядит довольно странно, но, думается, не стоит спешить с маркировкой политиков того времени – российская смута, как щепки, кидала их из крайности в крайность. Люди в полном смысле слова не ведали, что творят. История отбирала своих статистов, не спрашивая их согласия. Человеческая личность и её «исторические» деяния расходились. Люди затевали игру с химерами собственного воображения. Всё это надо воспринимать как нечто естественное для *того* времени. Современность лишний раз подтверждает это, многозначительно напоминая о нашем «неуходящем» прошлом.

Книга Пученкова даёт почву для размышлений об особенностях восприятия происходящего современниками. И здесь есть над чем подумать источниковеду, вчитывающемуся в их пылкие свидетельства. Нет сомнения, что в сознании населения реальное, воображаемое, символичное всё более расходились. Собрать их в нечто цельное могли либо вера, либо образ врага.

Специальный раздел книги оправданно посвящён «украинскому демаршу» (смене ориентации с проантантовской на прогерманскую) лидера кадетов П.Н. Милюкова. То, что этот «Бог бестактности» (по выражению В. Дорошевича) окончательно добил собственную партию, не подлежит сомнению. Но нельзя забывать, что в массе белогвардейцев к тому времени сформировались прогерманские настроения – большевиков они ненавидели больше, чем немцев. Вероятно, именно поэтому их отношение к «предателю» Милюкову оказалось столь снисходительным (с. 98, 100). Впрочем, по большому счёту политическая история русского либерализма закончилась ещё в апреле 1917 г.

К сожалению, в книге не говорится о весьма заметной фигуре митрополита Антония (Храповицкого). Между тем церковный вопрос приобрёл тогда на Украине немалое значение в связи с попытками провозглашения автокефалии и возникшим из-за этого противостоянием митрополита и гетмана. Последний характеризовал владыку в письме к Эйхгорну, как «гроссе руссише реакционера». Впрочем, это не помешало петлюровцам после падения Скоропадского арестовать Антония как его сторонника¹¹. Однако «религиозные» сюжеты наши «светские» историки почему-то обходят.

В сущности, в рамках «украинской» державы, соединявшей под своим знаменем монархистов и федералистов, демократов и сепаратистов, как столичного, так и местного разлива, была опробована модель эволюционного политического развития России. Но оказалось, что переход от самодержавия к конституционализму (точнее, его подобию) возможен только в режиме внешнего управления в лице немецкого *Ordnung*, а самостоятельная легитимизация «переходного» режима труднодостижима. Гетманский «политический эксперимент» действительно оказался, как говорили современники, «опереткой». И так было не только на Украине. Ведь всю историю контрреволюции можно представить в виде череды псевдоморфных «государственных» образований. Ничего удивительного: «дух» империи не умирает вместе с ней.

¹⁰ Киевская мысль. 1918. 7, 8 сентября.

¹¹ См.: Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2012. С. 576, 789, 944, 973.

Событиям в Крыму в своё время была посвящена обстоятельная монография¹², которая, казалось, «закрыла тему». Книга Пученкова убеждает, что это далеко не так. Вольно или невольно, автор показал, насколько ход больших политических событий, включая внешнюю политику, зависел от того, как менялись на местах настроения компактной, но агрессивной людской массы – в данном случае матросов. Кстати, тогдашние эмоции повлекли за собой смысловые деривации, сказавшиеся через много лет – и на историографии, и даже на политике. Для меня совершенно ясно, что стихия революции «делала» политиков. И им удавалось проводить свою линию лишь в той мере, в какой она соответствовала очень неустойчивым массовым умонастроениям. Так, из книги Пученкова видно, что гибель Черноморского флота была предрешена, причём роль большевистского руководства выглядит совсем не так, как хотелось бы её представить иным легковесным публицистам. Увы, история не считается с пылкими эмоциями (зато охотно использует их).

Но «крымская эпопея» 1918 г. была примечательна не только этим. От террора с самого начала страдали не одни лишь «белые» офицеры. Расправа над муфтием Ч. Челебиевым – это, между прочим, был «излишне» пылкий человек – подняла градус этнического насилия на полуострове (включая и татарско-греческую резню)¹³. У нас почему-то забывают, что социальные конфликты постоянно «этнизуются»: массы переводят «политику» на понятный им язык. И этому помогают экспрессивные идеалисты. Утверждение же во главе крымской власти – не менее пёстрой, чем гетманский кабинет министров – «бесцветного» генерала М. Сулькевича выглядит многозначительно. Marionетке германской администрации предстояло сыграть примиряющую роль (с. 129, 131).

Очерки Пученкова подтверждают имманентную слабость всех антибольшевистских сил. Все они надеялись на поддержку извне или же ожидали появления доморожденного диктатора. «Знаменитое» Яское совещание, на котором противникам большевиков как будто удалось договориться, а равно и действия одесских временщиков, вроде «философа в мундире» адмирала Д.В. Ненюкова, хвастливого авантюриста А.Н. Гришина-Алмазова, «старого и безвольного» генерала А.С. Санникова (с. 203–207, 216), свидетельствуют об органической неспособности противников большевиков к самоорганизации. Всё это являлось естественным следствием кризиса самодержавно-патерналистской системы. Однако современные авторы признаний такого рода избегают.

В своё время большевистская пропаганда не уставала твердить об интервенции «14-ти империалистических государств» в Советскую Россию. На деле же войска интервентов вряд ли годились даже на роль основательной подпорки антибольшевистских сил. Немцы недолго помогали гетману, французы, совершенно не разбиравшиеся в российских делах, и вовсе развалили Белое движение на Юге России. Это закономерно: русская «красная смута» была лишь частью тогдашнего мирового хаоса. События 1918 г., при всём их трагизме, были лишь вялотекущим прологом крупномасштабной Гражданской войны, но по сути они уже предопределили её исход. Из российского системного кризиса нельзя было выйти *политическим* путём. Империя внутренне обветшала настолько, что собрать её воедино руками прежних элит было невозможно.

¹² См.: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.

¹³ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 599, 645.

Как и всякая оригинальная работа, книга Пученкова имеет свои особые «слабости». Создаётся впечатление, что он сознательно уходит от анализа новейшей историографии, ограничиваясь редкими ремарками. Впрочем, жанр очерков вполне это допускает. Вместе с тем автор, весьма преуспев в отыскании неизвестных источников личного происхождения, несколько пренебрежительно отнёсся к тогдашней прессе, хотя информационное пространство в то время было довольно подвижным и «плотным». В любом случае в редкую из современных книг о Гражданской войне хочется *вчитываться*, возвращаясь к многозначительным деталям прошлого. И монография Пученкова относится к их числу.

Автор превзошёл некоторых признанных мэтров. Особенно важно то, что он смог преодолеть «красно-белый» стереотип описания событий Гражданской войны. И всё же позицию местных националистов на Украине и тем более в Крыму следовало бы изложить подробнее. Дело в том, что русское население окраин зачастую преувеличивало исходившую с их стороны опасность, оказывая соответствующее влияние на политический курс белогвардейского руководства, отразившееся затем в историографии. При непредвзятом же анализе событий Гражданской войны нельзя игнорировать подобные «мелочи».

Когда-то Питирим Сорокин заметил, что в ходе революции в человеке просыпается не только зверь, но и дурак. Этим пользуются известного рода политики. Георгий Иванов написал однажды отчаянные строки: «Рассказать обо всех мировых дураках, // Что судьбу человечества держат в руках? // Рассказать обо всех мертвецах-подлецах, // Что уходят в историю в светлых венцах?..». Именно об этом «парадоксе» истории впечатляюще напоминает данная книга.

К сожалению, Пученков не обошёлся без некоторых штампов. Так, он отмечает «невероятно быстрый рост национального самосознания украинского народа» в 1917 г. (с. 8). На деле собственно национальное сознание не возникает в одночасье, нации не рождаются из ничего. «Национально-сознательные» всегда находятся в меньшинстве, а за ними *бессознательно* тянутся растерянные толпы. Формирование подлинно национального самосознания – длительный и болезненный процесс. То ли С.В. Петлюрой, то ли В.К. Винниченко была сказана примечательная фраза: «Независимость мы получили, теперь надо создавать нацию». Позднее эти же слова буквально повторил постсоветский украинский президент.

Прошлое не уходит, а потому надо уметь не только описывать, но и *прочитывать* его. Хотелось бы надеяться, что этому когда-нибудь научатся не только историки.

Рафаил Ганелин: «Украинский вопрос» и советские историки

Новая монография Пученкова, ранее обратившего на себя внимание обстоятельной монографией о национальной политике А.И. Деникина¹⁴, представляет большой научный интерес и является ценным вкладом в изучение как Гражданской войны, так и истории Украины и Крыма. Так уж получилось, что по известным причинам события, происходившие на Украине и в Крыму в 1918–1919 гг., сейчас приобрели особую актуальность. Как и 100 лет назад, Украина и Крым пытаются найти свой путь строительства государственности.

¹⁴ Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина...